

«СНАЧАЛА НЕ БЫЛО ТАК!»

Запись выступления Давиде Проспери и Хулиана Каррона
на Дне начала года «Общения и освобождения»

Медиоланум Форум, Ассаго (Милан), 30 сентября 2017 г.

ХУЛИАН КАРРОН

Попросим о нищете, которой, благодаря Безымённому из романа Мандзони «Обрученные», мы в этом году так часто желали достичь, ведь без нее в нас не было бы расположенности, необходимой, чтобы начинать, и все становится бессмысленным. Попросим о ней и споем гимн Духу Святому.

Discendi Santo Spitiro

- *The things that I see*
- *Negra sombra*

ДАВИДЕ ПРОСПЕРИ

Добро пожаловать. Прежде всего приветствуем всех присутствующих здесь и тех, кто подключился к нам в разных городах Италии и за рубежом, чтобы участвовать в нашей встрече, которой мы хотим открыть новый год. Я хотел бы начать с вопроса, прозвучавшего на упражнениях Братства и ставшего темой прошедшего лета: «По-прежнему ли спасение интересует меня?» Это слово, о котором мы нередко забываем перед лицом трудностей, несоответствия или тягот жизни, неожиданно вновь стало для нас близким. Слово «спасение» содержит в себе весь смысл наших ограничений, нашего зла и даже нашей ничтожности и вместе с тем нашего стремления к свершению блага, к величию, ради которого, как мы чувствуем, сотворено наше сердце. И тем не менее спасение представляется нам недостижимым, потому что кажется незаслуженным (тот, кто обладает минимальным самосознанием хоть раз об этом задумывался), и всех наших усилий словно недостаточно, чтобы заработать его. Однако поведение Иисуса перед Закхеем, как сказал Каррон на упражнениях, полностью переворачивает проблему. В Евангелии от Луки говорится: «Ныне пришло спасение дому сему» (ср. *Лк.* 19, 1–10). Спасение есть Христос, Его личность, и Его взгляд достиг и изменил нас. Совсем необязательно он тут же изменил наши интересы, немедленно дал нам способность больше не ошибаться или по крайней мере сразу исправлять собственные промахи. Изменение состоит прежде всего в том, что мы заметили Его присутствие благодаря притягательности, ворвавшейся в нашу жизнь и, словно магнитом, притянувшей нас к Нему. Нельзя понять поразивший всех *безвозмездный* труд ребят, которые этим летом во время Митинга в Римини часами стояли на жаре, чтобы обеспечить работу парковок, или наводили порядок в залах и на выставках (платя деньги, чтобы заниматься этим!), если рассматривать его исключительно как результат великодушных усилий. Безвозмездность возможна лишь в том случае, когда человек уже удовлетворен тем, что получил. В глазах тех ребят, как и в глазах многих взрослых людей, вовлеченных в общественные дела, я видел сияние *благодарности*. Она сияет в них как проявление в настоящем события, происходящего для кого-то впервые в жизни, а для других – вновь повторяющегося после многих лет. Я наблюдал то же самое и во время каникул разных общин и на других мероприятиях этого лета.

Расскажу об эпизоде, который случился лично со мной не так давно. Это был один из тех дней (думаю, знакомых каждому), когда доживаешь до вечера и говоришь: «Сегодня я не сделал ничего хорошего». Только в отличие от других подобных ситуаций, я вдруг встал на колени и сказал: «Господи, сегодня мне нечего Тебе дать, но я здесь». И это изменило все, все во мне: «Ты, Господи, есть, и поэтому есть и я, и поэтому завтра я по-прежнему могу надеяться, даже если сегодня мне нечего Тебе дать». Думаю, человек по природе своей желает, чтобы его жизнь была полезной, приносила пользу. Отец Джуссани в двадцать три года писал: «Я не хочу жить бесплодно: это моя одержимость» (L. Giussani. *Lettere di fede e di amicizia ad Angelo Majo*. Cinisello Balsamo-Mi.: San Paolo, 2007. P. 33). Думать, будто ценность жизни заключается лишь в том, что она может дать мне, мелочно и ничтожно. Широта моего сердца (широта сердца любого человека) заставляет нас желать, чтобы то, чем мы являемся, могло послужить полноте, а значит, всему миру. Мы же часто отождествляем полезность нашей жизни только с тем, что получаем или на что сами способны, и поэтому думаем: «Раз я сегодня не сделал ничего хорошего, значит, все было напрасно». Но можно, как это случилось со мной, заметить, что существует полезность большего масштаба – полезность жизни, зависимой от Бога. То есть полезность жизни состоит в том, чтобы соответствовать Тому, Кто любит тебя, и действовать так, чтобы быть полезным Тому, Кто любит тебя, – порой даже просто принимая свое бытие, свою зависимость от Того, Кто творит тебя в этот момент, как мы видели этим летом в драматичной истории маленького Чарли Гарда, глубоко тронувшей нас. Для меня полезность жизни – в том, что Другой, творящий тебя, видит в тебе, а не в том, чего ты хочешь от самого себя. Следовательно, жизнь становится полезной, когда превращается в послушание и, в конечном счете, в открытость перед присутствием Христа, в готовность сдаться перед величием, которое Другой – возможно, иначе, чем ты себе представлял, – желает осуществить в тебе и с тобой ради блага мира. Мы живем, чтобы Христос был признан повсюду, мы живем ради человеческой славы Христа.

И поэтому я хочу спросить тебя: как нам помогать друг другу жить с сознанием об этой нашей зависимости?

ХУЛИАН КАРРОН

Кому из нас не хотелось бы быть настигнутым чем-то, что все наполняет пением, как говорилось в песне *Negra sombra*? Когда случается подобное событие, признать его легко, настолько оно соответствует ожиданиям сердца. Мы тут же его замечаем, потому что все в жизни наполняется пением. «Если кто-то поет, это ты поешь [вот до какой степени мы зависим от этого «ты»], если кто-то плачет, это твой плач... ты ночь и рассвет. Ты во всем, и ты все для меня, и во мне ты живешь» (R. De Castro, J. Montes Capón. *Negra sombra // Canti*. Milano: Soc. Coop. Ed. Nuovo Mondo. P. 292). Мы во всем зависимы от этого «Ты».

Мы по-настоящему понимаем, чего ждем, когда признаем Его в событиях, посредством которых Он выходит нам навстречу, благодаря Его способности приводит в трепет все, чем мы живем и чего касаемся. Не нужно никакого дополнительного «оборудования», достаточно, чтобы Он являл Себя нашему сердцу. Достаточно увидеть, что творит Бог, чтобы заплакать от взволнованности, как поется в песне *The things that see* (*Canti*. Op. cit. P. 344).

Когда человек переживает такой исходный опыт, он не может не желать, чтобы это «ты» никогда не покидало его: «Не оставляй меня, тень, вечно лежащая на мне» – такими словами заканчивается *Negra sombra*. Желание зависеть от этого присутствия все делает иным. Как бы нам хотелось, чтобы нас снова и снова настигало присутствие, обновляющее все! Так мы станем все глубже понимать, что, если звучит пение, значит, Ты позволяешь ему звучать, если что-то трепещет, это Ты приводишь в трепет, ведь Ты – во всем, Ты живешь во мне.

Когда же в нас не господствует удивление перед этим событием, что тогда выходит на первый план?

1. ФОРМАЛИЗМ

Как мы только что сказали, распознать событие, соответствующее жизни, легко. С такой же легкостью мы понимаем, и когда оно не происходит, потому что в нашей жизни больше не звучит пение, все становится бесцветным, формальным. Пропадает радость, и это настолько ясно, что мы неизбежно это ощущаем.

«Мне кажется, я добрался до узлового момента моего существования, до неотложного, решающего этапа». Это слова из письма одного нашего друга, которое я прочитал на июньской школе общины. Они сопровождали меня на протяжении всего лета, поскольку в них точно описана суть проблемы. Далее в письме говорится [я приведу лишь некоторые отрывки]: «Моя вера формальна, моя жизнь по сути полна морализма (в ней есть вещи, которые делать нельзя или, напротив, нельзя не делать, это касается и таких важных инициатив, как продуктовый сбор и сбор лекарств, каритатива, общий фонд, упражнения, школа общины). [Нельзя сказать, что наш друг ни в чем не участвует.] Но тест, все тот же беспощадный тест на радость убивает меня: радости нет! А есть непростые отношения, полные претензий и эгоизма. Я так больше не могу. Я бы хотел быть радостным, но вместо этого я часто замечаю, что погряз в рутине». Наш друг понимает, насколько он отделился от изначальной зависимости, порождающей всех нас: «Христос действительно обособлен от моего сердца... Спасение не может не интересовать меня, но у меня о нем всегда имеются собственные представления. И после стольких лет в Движении я не могу поверить, что до такой степени ограничил сам себя. <...> Радость всегда где-то в другом месте!»

Это письмо помогает нам понять, о чем говорит отец Джуссани в отрывке, который мы вспоминали на упражнениях Братства: «Если любое действие нашего Движения не пробуждает в самой глубине конкретных дел нашей жизни призыв к памятованию о Христе [то есть если мы не осознаем все больше и больше нашу зависимость от Него], то нет в нем никакой ценности. И даже хуже, в таком случае оно усугубляет положение человека, поскольку благоприятствует формализму и морализму. Тогда событие между нами – событие, которое мы должны трепетно хранить во взгляде и в сердце как критерий нашего поведения в отношении друг друга – свелось бы к социальному убежищу, к общественной позиции» (L. Giussani. *Alla ricerca del volto umano*. Milano: Jaca Book, 1984. P. 90). Если мы не переживаем каждое обстоятельство как крик, отсылающий к памяти о Христе, никакое наше дело не сможет удовлетворить нас и дать нам желаемую радость. Поразившее всех нас событие жизни ограничится делами, которые «нужно делать» и которые станут своего рода взносом, необходимым для принадлежности нашей компании.

Неслучайно отец Джуссани предупреждал нас о формальном участии в предлагаемых Движением инициативах и с фотографической точностью описывал его следующими словами: «Человек в порядке не потому, что ходит на школу общины, не потому, что участвует в святой мессе... не потому, что раздает листовки или вывешивает *дацзыбао*. Все это может быть формальностью, своего рода оплатой пошлины в пользу той социальной реальности, к которой он примыкает. Но когда все это становится опытом? Когда говорит тебе что-то и движет... что-то в тебе» (L. Giussani. *Uomini senza patria*. 1982–1983. Milano: BUR, 2008. P. 194).

«Как выйти из ситуации формализма?» – спрашивает в письме наш друг. Опыт дал ему некоторые подсказки, обратил внимание на признаки проблемы (формализм, рутина, его «я больше не могу»), но у него уже сложились собственные представления о том, как достичь спасения, и он не готов менять их: «Вот только не надо говорить мне, что беспокойство, которое я испытываю, – благо. Я этого вообще не понимаю. Не надо мне говорить, что мой (порой возникающий) крик “идет на пользу”, что Христос ждет меня и в нем, что все, чем я живу, совершенно точно для меня! Я понимаю все это формально, но не на экзистенциальном уровне. Столько времени прошло, а я все еще в исходной точке».

Но как же нашему другу понять что-либо на экзистенциальном уровне, если он отказывается вступить на единственную дорогу, которая помогла бы ему понять? И какова эта дорога?

2. Путь опыта и истории

Чтобы понять что-либо на экзистенциальном уровне, необходимо внимание к опыту, который мы переживаем, к «симптомам», постоянно им предлагаемым. Тайна всегда ведет нас к пониманию через историю. Отец Джуссани неустанно нам об этом напоминал: «Для меня история – всё, я учился у истории» (A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Milano: BUR, 2014. P. VIII).

Однако провокация реальности может столкнуться с нашим ожесточенным сопротивлением. Нам порой словно не удастся понять значение внешних признаков, уловить причины их возникновения, хотя они подобны крику, который Бог, исполненный нежности по отношению к нам, заставляет вырываться из самых недр нашей души. Он словно говорит нам: «Неужели по симптомам, которые ты ощущаешь в себе, тебе не ясно, насколько ты нуждаешься во Мне? Не потому, что кто-то другой говорит тебе об этом, не потому, что Я посылаю тебе ангела, а по этим симптомам!» Когда человек не расположен признавать то, что выявляется в его собственном опыте, когда он не внимателен к признакам и не следует за ними, «то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверит», – говорит Иисус (Ср. Лк. 16, 19–31).

Напротив, посмотрите, что происходит, когда мы готовы увидеть тот или иной симптом как нечто положительное, как призыв Тайны. Одна наша подруга, Мирей, рассказала, как в определенный момент своей семейной жизни она стала забывать об истоке своей любви, о начале отношений с человеком, за которого вышла замуж. И это стало для нее настоящим вызовом: Тайна использовала этот факт, чтобы спровоцировать ее, чтобы заставить ее осознать, что в ней пошло на убыль. Не было никакого явного кризиса брака, эта женщина продолжала делать все, как и раньше, однако было утрачено начало отношений. Она рассказывает: «Мы вместе, занимаемся делами обща, заботимся о детях, о доме, обе наши семьи подбадривают нас, каждые выходные мы принимаем у себя ребят с улицы, которым помогаем, каждый из нас хорошо выполняет свою работу и поддерживает другого, но [вот тут-то и начинается главное] мы отошли, отдалились друг от друга. Желание, высказанное одним человеком [который интересовался ей], помогло мне понять: проблема не столько в том, что в отношениях между мной и мужем возникло затруднение, отдаленность, сколько в том, что в повседневной жизни Христос больше не был для нас отправной точкой. [Вот как мы понимаем вещи на экзистенциальном уровне.] То, что горело в нас и позволяло нам двигаться против течения в сложившемся в нашей культуре видении брака, было пламя, исходившее от Христа. Именно благодаря ему мы стали жить столь прекрасной супружеской жизнью, и нам даже казалось, будто мы одни такие в целом мире. Но сегодня нам остались лишь тлеющие угли, которые, не ровен час, превратятся в пепел... Все, что мы чувствуем в настоящий момент, – бремя нашей повседневности». Когда пламя, исходившее от Христа, угасает, понять это легко – повседневность превращается в бремя, а из жизни исчезает пение.

И тогда становится ясно, готов ли человек по-настоящему учиться у происходящего, то есть замечать симптомы и видеть в них возможность для себя. Кто-то на месте Мирей мог бы начать жаловаться и говорить: «Как же так, я по-прежнему такой? После всех этих лет я снова оказался в подобном положении?» А Мирей так не делает, она пишет: «Я была рада понять, что Господь в гениальности Своей воспользовался одной случайной встречей, чтобы вернуть нас самим себе» [то есть Он пришел позаботиться о ней и о ее муже]. Муж, услышав ее слова, полностью с ними согласился и сказал: «Наша любовь росла, как дерево, на ветви которого садятся птицы и в тени которого укрываются люди [их дом всегда открыт]... Ты права! Если мы перестанем пить из источника, то иссохнем. И все, что мы видим сейчас, окажется невозможным!»

Кому бы не хотелось иметь таких друзей?! «В их смирении содержится семя нового мира, – сказал недавно папа, а затем закончил речь призывом: – Встречайся с людьми, которые сохранили в себе сердце, как у ребенка» (Франциск. *Общая аудиенция*, 20 сентября 2017 г.).

Итак, вопрос в том, готовы ли мы принять тот способ, каким Бог с помощью реальности «взламывает наши двери». Это может проявиться в проблеме привязанности, как мы видели в приведенном примере, или еще в чем-то. Мы толком не знаем, каким образом Тайна призовет нас, как решит «взломать нашу дверь», вновь охватить нас, не позволив нам продолжать делать вещи, больше ничего нам не говорящие. Поразительно! Мы думаем, будто уже знаем, как должны развиваться события, мы занимаемся делами, но ничего не происходит, все иссушается. И тогда Господь должен предпринять смелую инициативу, чтобы позволить нам выйти за рамки удушающего формализма.

«Для меня история – всё, я учился у истории». Теперь становится ясно, почему отец Джуссани без устали повторял нам эту фразу.

Так с какой же целью стоит принимать всерьез «симптомы»?

3. ВОЗВРАЩЕНИЕ К НАЧАЛУ

Происходящие с нами события, «симптомы», которые мы в себе замечаем, должны помочь нам вернуться к *началу*, к истоку, к исходной чистоте опыта, к тому, что нас покорило и привлекло. Мирей предельно ясным образом свидетельствует нам о том, как с их помощью она пришла к заключению: «В повседневной жизни Христос больше не был для нас отправной точкой».

В свете ее истории мы лучше понимаем то, о чем рассказывал отец Джуссани на упражнениях Братства в 1982 году (сейчас мы все можем читать этот текст, благодаря изданию книги *Una strana compagna*). Кажется, будто он говорил все это в ответ на нашу сегодняшнюю ситуацию, чтобы мы могли разобраться в опыте, который переживаем в настоящий момент и который затрагивает наиболее глубокие фибры нашей души. Личный опыт каждого из нас всегда помогает понять то, что наиболее важно и значимо для всех.

Итак, послушаем отца Джуссани: «Недавно вечером на одном собрании в Милане я отметил, что в эти годы, в последние лет пятнадцать [он говорил это в 1982 году], на протяжении всех этих лет нашего пути “Общение и освобождение”, Движение, словно создало на основании ценностей, принесенных Христом. Так все усилия нашей ассоциационной, рабочей, благотворительной, культурной, социальной, политической активности, безусловно, имели своей целью мобилизацию нас самих и вещей согласно идеалу, согласно тем ценностным ориентирам, на которые Христос обратил наше внимание. Однако сначала... не было так» (L. Giussani. *Una strana compagna*. Milano: BUR, 2017. P. 88). Отец Джуссани говорил это в связи с обстановкой в Движении, но то же самое могли бы сказать Мирей и друг, написавший письмо: «Сначала не было так».

А как же было сначала?

«В начале Движения, в первые годы, мы не строили на ценностях, которые принес нам Христос [не это интересовало нас в первую очередь], мы строили [не то чтобы мы не строили вообще] на Христе. Называйте нас наивными, но главной темой для сердца, убедительной движущей силой был факт Христа... В самом начале мы строили, стремились созидать на основании того, что происходило [как когда двое людей решают быть вместе: происходящее между ними побуждает все их поступки], а не на принесенных Христом ценностях и, следовательно, не на неизбежном интерпретировании нами этих ценностей. Мы стремились созидать на основании того, что происходило и что охватило нас. Возможно, наша позиция являлась наивной и чрезмерно преувеличенной, но она была чистой. Мы оставили ее, заняв другую позицию, которая представляла собой прежде всего, я бы сказал, “культурный

перевод”, нежели воодушевление перед Присутствием, и поэтому мы не знаем (в библейском смысле слова) Христа, не знаем тайну Бога, поскольку она нам не близка» (*Ibidem*. P. 88–89).

Здесь мы ясно видим, в чем для Джуссани заключается случившийся сдвиг: от воодушевления перед присутствием мы перешли к позиции, описываемой как «культурный перевод», к ряду занятий, пусть даже правильных (тут будьте внимательны, ведь нельзя сказать, что Мирей или наш друг, написавший письмо, не делают правильных вещей, но их недостаточно). Наша нищета, наша жажда бесконечно больше всех наших дел. То, в чем мы нуждаемся, не может найти сообразного ответа ни в культуре, ни в этике. И такой сдвиг может произойти на личном уровне, в отношениях между мужем и женой или между друзьями, он может произойти в жизни любого человека и в жизни Движения – где угодно. Ужасное его следствие, на которое указывает нам отец Джуссани, состоит в том, что «мы не знаем Христа» (*Ibidem*. P. 89), – а потому на наших лицах нет и радости. Мы делаем все, что нужно, но не из воодушевления перед присутствием Христа, как было сначала. «Сначала... не было так» (*Ivi*).

Так как же было сначала? Джуссани заявляет категорично: «Христос – причина существования, Христос – основание нашей созидательности [речь не идет о какой бы то ни было нехватке созидательности], и это осознание должно достигаться не посредством интерпретаций, но внезапно: нет другой христианской позиции, кроме этой». И далее: «Все остальное – мобилизация существования и наша созидательность – придет после, в первую же очередь нужно вернуться к восприятию Христа как причины существования и основания нашей созидательности. Это равнозначно пламенному желанию вернуться к изначальной, для множества людей неведомой чистоте жизни нашего Движения» (*Ibidem*. P. 89). Я желаю, чтобы, слыша крик отца Джуссани о необходимости вернуться к изначальной чистоте, каждый из вас ощутил, как горячо Христос любит нашу жизнь. Друзья, мы сегодня тоже должны вернуться к ней, если не хотим оказаться в ситуации, где человек в конце концов задыхается, потому что никакие его дела и занятия не наполняют его радостью.

Поразительно, но даже в самых молодых из нас возникает, поднимается из самых глубин жизни та же неотложная необходимость вернуться к изначальной чистоте. Один старшеклассник пишет мне: «Я мог бы сказать, что у меня было почти идеальное, по меркам Движения, лето. В перерывах между каникулами общины, поездками, вечерами, Митингом я буквально ни разу не остановился. А потом вернулся домой. Думаю, это возвращение после каникул было одним из самых ужасных. Я испытал не ностальгию, не нехватку, не пустоту. Во мне открылась бездна, глубочайшая рана, родился столь сильный вопль, что я не смог его подавить. Вся пустота, накопленная за лето, навалилась на меня, и я осознал одну вещь: уже давным-давно я не молился. Я не говорю о молитвах “Радуйся, Мария” или “Отче наш” [которые произносил как формальность], нет, я имею в виду настоящую молитву, диалог с Господом, момент, когда ты встаешь [перед Ним] лицом к лицу, чтобы понять, кто ты. Возможно, в этот период я даже делал все, что должен был, но притом потерял самого себя, поскольку это «все» без Христа – лишь пустота. Действительно, Он все мне дает, но и всего просит. Я заметил, что жил христианством “без” Христа. Первое, что я когда-то обрел, было Его присутствие [вначале на первом плане была притягательность Его присутствия], однако со временем я нашел множество других вещей и забыл про Него. Как жить в Движении и не забывать о Нем? Как поддерживать живым Его присутствие во мне?»

Вот в чем состоит сдвиг, отход в сторону: я забываю о Христе, пока делаю все, что должен делать. Живу в Движении, забывая о Нем. Но в то же время есть тут и нечто новое: когда нам Его недостает, мы начинаем сознавать это.

Следовательно, чтобы начать отвечать на поставленный вопрос, нам нужно понять призыв отца Джуссани, ведь жизнь не даст нам послаблений. «Именно из-за этой перемены [из-за перехода от воодушевления перед Присутствием к «культурному переводу» как к побудительной причине жизни – отец Джуссани говорил это в 1982 году!] стало так легко

отождествлять наш опыт с активистской, организационной и культурной деятельностью, порой столь закрытой для других, столь обусловленной определенным авторитетом и ведомой им» (L. Giussani. *Una strana compagnia*. Op. cit. P. 88–89).

Чтобы вернуться на изначальную чистую позицию и, следовательно, к той зависимости, которая все наполняет пением, необходимо понять, что Джуссани понимает под «культурным переводом», постепенно вытеснившим воодушевление перед Присутствием.

«Самые вероломные [говорит Джуссани в 1991 году, и просто диву даешься, когда видишь, какую помощь он всегда нам оказывал] на силу нашего Движения совершаются со стороны тех, кто ставит слово “культура” превыше всего остального. Верно же обратное: культура рождается [от события] от решения касательно существования. Первичная культура, как называет ее Иоанн Павел II, – это “я”, участвующее в событии. Не ставя в центр цель, то есть событие, мы лишь теряем время. Вернуться к событию, вновь сосредоточиться на цели – значит ответить и на все остальное. Вот в чем суть: речь не о неприязни по отношению к культуре, а о контратаке на истоки культуры» (L. Giussani. *Corresponsabilità // Litterae Comunionis CL*. N. 11, 1991. P. 34).

4. ХРИСТИАНСТВО КАК ИДЕОЛОГИЯ И КАК ТРАДИЦИЯ

В 1998-м отец Джуссани еще раз, хотя и другими словами, поднимает ту же проблему: «В этом году стало [более] ясным различие, которое мы обнаружили между идеологией и традицией» (L. Giussani. *Avvenimento e responsabilità // Tracce*. N. 4. 1998. P. III). Он развивает свою мысль, добавляя еще одно различие: между идеологией и событием. Вот его слова: «Для христианина отправной точкой является Событие. Отправная точка для других – некоторое впечатление от вещей» (*Ivi*), превращающееся в «предвзятость» и выливающееся в разговоры, то есть как раз в идеологию. Достаточно, чтобы кто-то ранил нас, и мы понимаем, насколько наше поведение определяется впечатлением, которое этот факт производит на нас и на котором впоследствии мы выстраиваем предвзятое видение вещей.

Для христианина же отправной точкой в любом отношении является Событие. Что это значит? Мы понимаем это из хорошо всем нам известной истории одного заключенного [которая меня всегда поражала], чья реакция на несправедливый обыск определялась не впечатлением (хотя оно и было неприятным) от того, каким образом его обыскивали, а Событием, вошедшим в его жизнь и позволившим ему занять новую позицию перед несправедливостью: «Как могли надзиратели вести себя иначе, если они не пережили тот же опыт, что и я, если Христос не охватил их так же, как охватил меня?» Этот пример разъясняет вещи, которые нам порой трудно понять. Все просто: сразу становится очевидным, что для нашего друга заключенного отправной точкой в отношении с надзирателями было не впечатление, а событие, достигшее и охватившее его (в том числе и в тот момент) и изменившее его реакцию. Без этого события все определялось бы исключительно беспорядочным нагромождением обстоятельств.

Но, чтобы событие стало отправной точкой, оно должно происходить в настоящий момент. Джуссани говорит: «Если... исток, основание, образующее начало всего человеческого опыта есть Событие», то только потому, что Событие это происходит сейчас. «Понять это Событие можно, потому что оно происходит сейчас» (*Ivi*). Я его понимаю, улавливаю его импульс, испытываю его способность менять, потому что оно происходит, случается сейчас, а не потому что я об этом «уже знаю». Событие – то, чего я как раз не знаю.

Почему меня так поражает пример заключенного? Из него становится ясно, что событие можно понять не благодаря уже имеющимся у нас правильным представлениям о нем, а в силу того, как оно нас меняет. Мы все прекрасно знаем, что такое событие, и тем не менее часто реагируем совсем не так, как тот человек. В чем же причина? В том, что недостаточно знать, недостаточно воспринимать вещи тем или иным образом. Проверить, происходит ли событие сейчас, то есть убедиться, что речь не о теории, не об отвлеченном знании, а

о реальном факте, который случается в этот самый момент со мной, который я признаю, принимаю, который становится отправной точкой каждого моего действия, – проверить все это можно по моему отношению к людям и вещам. Проверка связана с той новизной, какую я с удивлением замечаю в себе, в том, как реагирую на все. И поэтому я не могу говорить о заключенном и не думать при этом об Иисусе: реагируя определенным образом, наш друг делает Иисуса современным нам. Благодаря отношению, которое Он переживал с Отцом, Иисус, думая о тех, кто распял и оскорблял Его, мог сказать: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23, 34). Он мог так смотреть на своих палачей только в силу этой зависимости, этой единственной в своем роде близости к Отцу. Засвидетельствованное Им поведение в полной мере выражает культурную новизну, которую Он принес в мир. Чтобы понять ее, необходимо признать, что происходит в самой глубине души Иисуса.

Так перед нами встает следующий вопрос: «Каким образом передается событие... как оно дается тем, кто приходит сейчас?» Отец Джуссани говорит, что для этого Событие должно повторяться, повторяться каждый божий день. Событие передается, совершаясь. Христианство есть Событие, и оно передается от человека к человеку как событие. Оно не сообщается как совокупность поучений или предписаний, его нельзя свести к некой концепции или к культуре. Это крайне важно. В противном случае христианство низводится до идеологии. И таковое его умаление может определять даже «понимание значительной части христианского катехизиса», даже способ проведения школы общины, даже «восприятие христианства и Церкви» (L. Giussani. *Avvenimento e responsabilità // Tracce*. N. 4. 1998. P. III). Как понять, что мы умаляем христианство? По тому, что оно никак нас не меняет.

Именно такой вклад внес отец Джуссани в жизнь Церкви, что отметил кардинал Ратцингер на его похоронах: «Лишь Христос наделяет смыслом всё в нашей жизни. Взгляд жизни и сердца отца Джуссани всегда был сосредоточен на Христе. Так он понял, что христианство не интеллектуальная система, не набор догм, не морализм, христианство... есть событие» (Й. Ратцингер. *Проповедь на похоронах отца Джуссани*. Милан, 24 февраля 2005 г. Цит. по: A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Op. cit. P. 1188). До Ратцингера о том же самом Иоанн Павел II сказал в письме, которое он написал отцу Джуссани в 2002 году по случаю двадцатилетней годовщины Братства: «Христианство, прежде чем быть совокупностью доктрин или правилом... есть “событие” встречи. Таковую догадку и таковой опыт Вы передали в эти годы множеству людей, присоединившихся к Движению» (Иоанн Павел II. *Письмо отцу Джуссани*. 11 февраля 2002 г. Цит. по: *Ibidem*. P. 1095).

Именно к этой догадке и к этому опыту необходимо вернуться, если мы не хотим в конце концов задохнуться, умалив то, что было в наших руках. В таком случае и Движение утратит свою подлинную природу, даже если мы продолжим заниматься множеством дел.

Отец Джуссани призывает нас сделать шаг на пути этого возвращения. «“Передача” События как всего в жизни, как исчерпывающего объяснения жизни и истории называется традицией». Обратим внимание на то, каким образом он описывает ее, не допуская, чтобы мы свели ее значение к чему-то уже известному: «Традиция есть память, которая продолжается, [и он тут же поправляется], точнее, она есть событие, которое продолжается как память, в памяти. Это не столько событие, продолжающееся в силу того, что его описывает память: это память, в которую прорывается [просто поразительно!] нечто более великое, нечто более мощное [не позволяющее ей выкристаллизоваться в доктрину], благодаря чему она становится знаком исторической непрерывности». Мы это видим в учениках из Эммауса. Те двое прекрасно знали факты из жизни Иисуса и рассказали о них новому незнакомому спутнику, но только когда в память о них «ворвался» воскресший Христос, они изменились и к ним пришло понимание. Отец Джуссани продолжает: «Память можно рассматривать либо в узком, натуралистическом смысле... [как] воспоминание о прошлом, воспоминание благочестивое, пробуждающее во мне симпатию, сочувственный отклик, хорошее, прекрасное, мысль о котором делает сердце человечнее, или же память может быть всем!»

Память – это все. Иными словами, память есть непрестанно происходящее вновь событие, которое производим не мы, которое не зависит от нашей инициативы или от наших сил. Первая позиция [отождествляющая память с воспоминанием] состоит в сведении того способа, каким человек воспринимает мир, ощущает жизнь и относится к ней, к некоей предпосылке (предвзятости) (L. Giussani. *Avvenimento e responsabilità. P. III–IV*).

Однако [обратите внимание на продолжение мысли] «если христианство становится таковым, если оно передается как мировоззрение, как учение, как определенный способ восприятия и отношения, тогда и оно превращается в идеологию. Именно в этом заключалось наше возражение по поводу ситуации, сложившейся в Церкви в современную эпоху: понимание нравственности рождалось не от Христа, не от события Христа, а как успешный результат определенной интерпретации жизни, принимавшейся сердцем с симпатией и критически обоснованной (по крайней мере, таково было стремление), вследствие чего была забыта онтология, она была буквально [Джуссани использует сильное слово] “обезжизнена”, как когда у зуба удаляют нерв» (*Ibidem. P. IV*).

Что же было «обезжизнено»? Новая онтология, то есть христианство как событие («Онтология, или возвешение того факта, что Бог стал человеком и что это событие в историческом смысле продолжается в истории благодаря воскресению этого Человека: “И се, Я с вами во все дни до скончания века”». *L'uomo e il suo destino. In cammino. Genova: Marietti 1820, 1999. P. 71*). Не то чтобы онтология эта отрицалась (о чем говорилось во всех прозвучавших свидетельствах); она забыта, воспринимается как некая предпосылка или больше не является отправной точкой отношений со всей реальностью, как сказала Мирей. В результате отношения опустошаются, поскольку они больше уже не способны держаться за счет себя самих. Если онтология обезжизнена, это означает, что Событие перестает быть источником понимания вещей и отношения к ним. «Теперь видите, – продолжает отец Джуссани, – о чем я хотел сказать, когда говорил, что десять лет спустя после шестьдесят восьмого года среди нас господствовало не мнение о культуре как о производной от Христа, а стремление быть достигь признания мира благодаря культуре, которой мы обладали?» (L. Giussani. *Avvenimento e responsabilità. P. VII*).

Если мы не понимаем этого, если не возвращаемся к истоку, никакое наше усилие не восстановит для нас ту полноту, которую может дать нам лишь Его присутствие, и не сделает нас главными героями новой культуры, потому что только Его событие, происходящее в настоящем, способно сформировать истинное представление о вещах. Представление это должно непрестанно возрождаться от породившего его источника и подтверждаться во вновь и вновь осуществляющемся живом свидетельстве, оно должно стать зримым в конкретном опыте каждого. Только таким образом оно сможет передаваться, переходя от человека к человеку. Мне рассказали о свадьбе двух наших друзей. Коллеги невесты в изумлении спрашивали ее: «Как это ты выходишь замуж такой молодой? И это на всю жизнь?» Потом они приняли участие в венчании и остались настолько поражены, что, как только она вернулась из свадебного путешествия, вновь заговорили с ней о том, каким прекрасным был день ее свадьбы. Новое представление постоянно порождается событием, которое происходит в настоящем и «передается», совершаясь.

Традиция, как говорил фон Бальтазар в начале 1971 года во время духовных упражнений, проведенных отцом Джуссани в Швейцарии, *traditio*, то, что Бог передал людям, состоит в «отдании Себя Сыном через Отца ради спасения мира» (H. U. von Baltasar, L. Giussani. *L'impegno del cristiano nel mondo. Milano: Jaca Book, 2017. P. 89*). Вот что такое *traditio*: отдание Себя Христом миру через Отца согласно Отцовскому замыслу. И это отдание – традиция – не может быть сведено к некоему воззрению, к некоей доктрине. «Присутствие изначального События, осуществление сегодня изначального События, пребывающего во все дни вплоть до дня нынешнего, называется традицией: следовательно,

она представляет собой каждодневное повторение первичного События, изначального События» (L. Giussani. *L'uomo e il suo destino. In cammino*. Op. cit. P. 66).

Христианство, умаленное до идеологии, «обходится» без События: в его центре больше уже не Событие, а система мыслей, производных от этого События, но оторванных от своего истока. Остаются лишь последствия, культурные и этические, предлагаемые сами по себе как нечто самодостаточное, но притом неизбежно начинающие искажаться. Это нужно хорошо уяснить.

5. ИСКУШЕНИЕ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ, СТАВШЕЕ И НАШИМ

Теперь мы можем понять, с чем отец Джуссани вступает в схватку: он сражается с менталитетом, сводящим все к доктрине. Именно в этом состояло, как говорил папа Бенедикт, искушение просветителей, думавших, будто можно спасти великие истины христианства, христианские ценности, то, что принесло христианство, оторвав их от События, которое делало и постоянно делает их живыми. Мы видим это у Канта, утверждавшего: «Разумеется, можно согласиться с тем, что если бы Евангелие... не научило всеобщим нравственным законам [ценностям] в их совершенной чистоте, то разум до сих пор не мог бы их постигнуть с такой полнотой. Однако теперь, *когда они уже даны*, каждого можно [отныне] убедить в их правильности и значительности с помощью одного только разума» (И. Кант. *Собр. соч.* В 8 тт. Т. 8. М.: Чоро, 1994. С. 534). В эпоху Просвещения существовало, как о том свидетельствует Кант, мнение, что ценности могли продолжать существовать, поскольку теперь разум в состоянии признавать их. Но попытка сохранить их таким образом потерпела крах, и сегодня мы это понимаем, поскольку то же самое происходит с нами и среди нас: если мы отделяемся от события Христа, от живого события харизмы, наш взгляд затуманивается и наши дела ничему не служат.

Если мы не поймем, каким образом передается христианство, как сохраняется живой харизма, нас, помимо нашей воли, постигнет судьба просветителей. У нас на руках будут все тексты отца Джуссани, но мы потерпим поражение. Вот что поставлено на карту. Проблему не решают споры между нами и потоки слов, которые мы порой изливаем друг на друга. Мы видели, как все разрушается вокруг нас, и точно так же можем потерпеть крах и мы сами.

Как же нам не поддаться соблазну, настаивающему и нас, как не впасть в искушение просветителей и не думать, что нам хватит Евангелия или текстов Джуссани? Как не допустить, чтобы христианство выкристаллизовалось в безжизненную доктрину? Послушаем слова самого Джуссани, который дал нам все необходимое, чтобы идти вперед: «Словом “событие” называется происшествие, с которого все не просто началось, – оно пробуждает настоящее, определяет настоящее, наполняет настоящее содержанием, делает настоящее возможным. То, что мы знаем, или то, что мы имеем, становится опытом, если то, что мы знаем или имеем, дается нам сейчас: вот рука, протягивающая нам все это сейчас, вот лицо, выступающее на первый план сейчас, вот кровь, проливающаяся сейчас, вот воскресение, происходящее сейчас. Вне этого “сейчас” нет ничего! Наше “я” способно приходить в движение, испытывать волнение, то есть меняться, только лишь благодаря современности – событию. Христос – это то, что происходит со мной сейчас» (*Cfr.* ARCHIVIO STORICO DELL'ASSOCIAZIONE ECCLESIALE MEMORES DOMINI. Documento ciclostilato intitolato “Dedicazione 1992. Rimini, 2-4 ottobre 1992»).

Вот почему все в том же 1998 году он сказал, что речь о «проблеме обращения». Какого обращения, обращения к кому? Во избежание недоразумений, он тут же прояснил смысл своего призыва: «Если нет твоего обращения [и обращения каждого из нас], обращения не ко мне [Джуссани подразумевал себя], а к Иисусу, достигающему тебя посредством моей руки, если сознание, заключенное в наших словах, не порождает в тебе обращение, тогда нет и ответственности [нет ответа]». «Чтобы сообщать жизнь в рамках дарованной нам харизмы,

необходимо жить обращением: не ко мне [повторяет он], а к тому, что мне было сказано [и дано]» (L. Giussani. *Avvenimento e responsabilità*. P. VII–VIII).

Тут проявляется все милосердие отца Джуссани по отношению к нам. Чтобы помочь нам понять, он не упорствует в разъяснениях, а предлагает дорогу: «Я хотел бы поставить вас на путь, благодаря которому возникло и родилось во мне все то, о чем я говорю» (*Ibidem*. P. VIII). Поэтому, чтобы не свести его слова к нашим собственным мыслям, к нашим интерпретациям, мы должны научиться живо представлять, каким образом они родились в отце Джуссани. Так они смогут родиться сегодня и в нас (именно об этом спрашивал в письме наш друг старшеклассник). Мы поймем сказанное Джуссани и не умалим значение его слов, только если вновь происходит то, о чем он говорил. А как это может вновь происходить сегодня? Откуда все это рождается? Как мы можем сегодня вновь проделать путь, на котором они открылись ему? Где сегодня происходит то, о чем он говорил?

6. СОВРЕМЕННОСТЬ ХРИСТА – НЕИЗМЕННЫЙ ИСТОЧНИК ИЗМЕРЕНИЙ ХРИСТИАНСКОГО ОПЫТА
«Новое познание подразумевает [в противоположность мысли Канта]... современность событию, которое его порождает и непрерывно поддерживает». Оно подразумевает полную зависимость, если выражаться словами Давиде. Все нам дано. Путь, позволяющий нам жить тем, о чем мы говорим, пролегает не через наше «я все знаю и сейчас все расставляю по местам собственным умом или усилием». Мы не можем упрекнуть Джуссани в том, что он не предупреждал нас: новое познание утверждается в нас, только если существует «в одном времени с событием, которое его порождает и непрерывно поддерживает». И «поскольку источник [нового познания] не идея, а место, живая реальность, то новое суждение возможно исключительно в постоянной связи с этой [живой] реальностью, то есть с человеческим сообществом, продолжающим во времени изначальное событие» (L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Milano: Rizzoli, 1998. P. 75).

Отец Джуссани никогда не переставал указывать нам путь: «Мы понимаем вещи не потому, что садимся за стол и составляем программу обучения пониманию, понимание не приходит к нам как результат некоего созерцательного проекта [у меня на руках есть все тексты, а дальше я сам разберусь]; мы понимаем, когда, подобно детям, прирастаем к истории Бога в нашей жизни, к истории, посредством которой Он хочет взломать все наши двери, ведь мы сотворены из Него» (L. Giussani. *Una strana compagnia*. Op. cit. P. 140). Путь прост, как пишет мне одна наша подруга: «Я замечаю, что, когда всерьез отношусь к работе, предлагаемой мне Движением, все чаще вижу окружающие меня вещи в ином свете, более глубоким, более истинным образом».

Либо Бог наших мыслей, либо Бог истории – перед такой альтернативой стоит каждый из нас. Вопрос не в том, у кого больше или меньше умений, потому что на этом уровне проблемы недостаточно ни умений, ни способности производить впечатление. Проблема в подходе, в методе. Мы множество раз вспоминали это в течение всего года, когда говорили о Безымянном. Кроме того, в последнее время нам не раз доводилось обращаться к важной фразе отца Джуссани, которую я не устану повторять: «Частный случай... – краеугольный камень христианского представления о человеке, о его моральных принципах в отношениях с Богом, с жизнью, с миром» (L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Op. cit. P. 82).

Это серьезный вызов, стоящий перед каждым из нас. Один друг, ушедший когда-то из Движения и державшийся на расстоянии в течение тридцати лет, написал мне письмо (его можно прочитать в сентябрьском номере *Tracce*). Рассказав о перипетиях своей жизни, он говорит: «На наши плечи взвалена тяжелая ноша. Вставать по утрам все тяжелее, и даже “волшебные” антидепрессивные таблетки, кажется, уже не действуют. На тебе лежит бремя преходящих вещей, и ты начинаешь думать, что все прекрасное в жизни уже позади и что тебе остается не так уж много. Сейчас моих усилий, моих достижений уже недостаточно...

Когда приходишь до этой точки, жизнь упрощается: либо Христос становится христом с маленькой буквы, то есть моим богом, которого я подчиняю моей воле и моему уму (и значит, все это не более, чем шутка), либо Бог есть Бог истории... Мы вернулись [он говорит о себе и своей жене] не потому, что мы молодцы. Мы вернулись, потому что Кто-то захотел, чтобы мы снова были дома» (*Tornare a casa, dopo trent'anni // Tracce. N. 8. 2017. P. 9*). Они вернулись, потому что благодаря встрече с одним из нас в определенном месте, в живой реальности нашего народа для них повторилось начало. И подобные вещи мы видим постоянно.

Вот почему я все время возвращаюсь к Безымённому. Охватившее его новое познание самого себя, Лючии, жизни и всей реальности родилось от события – отношения с кардиналом Федерико. Не случись с ним событие, сделавшее его нищим, ничего другого не было бы достаточно. Не то чтобы он ясно не понимал, что творит зло, не то чтобы он не испытывал раскаяния. Ему все это было известно, пусть даже и не в полной мере, однако этого было мало, чтобы выйти из сложившейся ситуации. Короче говоря, Безымённый указывает на ту чистую позицию, которая нам вновь даруется во встрече со Христом. Он также напоминает и об исконном, изначальном методе – том же самом, что определяет и продолжение: христианство не происходит, так сказать, однажды раз и навсегда, после чего я «уже все знаю» и его развитие – в моих руках; нет это что-то, что мне снова и снова дается, это взгляд, который мне снова даруется сейчас.

Вот как отец Джуссани описывает необходимый следующий шаг: «Способ возникновения критерия суждения... выражен в слове “взгляд”. Необходимо пребывать перед событием, с которым мы встретились, и не пресекать в определенный момент преданного взгляда [потому что, переставая смотреть на Него, мы тонем, как это случилось с Петром]... Именно преданность взгляду событию порождает в нас новый критерий суждения и позволяет нам не подпасть под критерии “мира”» (L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Op. cit. P. 76). В противном случае мы возомним, будто творим новую культуру, но в действительности лишь станем повторять то, что говорит мир.

Из чего видно, что Событие присутствует в нашей жизни? Из того, делает ли оно нас нищими. Посмотрим, уйдем ли мы сегодня отсюда более нищими, еще сильнее желающими, подобно Безымённому, упорно стоять у двери Тайны, Тайны воплотившейся, современной, пребывающей сейчас в лицах людей из нашей компании так же, как для Безымённого она открылась в лице кардинала Федерико.

Вот зрелость, помогающая нам не утратить начало: все более ясное осознание того, что нас спасает Другой, все более ясное осознание нашей зависимости и пробуждение в нас той чистоты, той крайней нищеты, которую порождает в нас событие Христа и к которой призывает нас папа в письме, направленном нам по случаю окончания Юбилейного года милосердия (мы обращались к нему во время упражнений Братства). Именно такая нищета духа, делающая нас открытыми перед Ним, есть знак того, что Он грядет, что Событие происходит со мной сейчас. Об этом свидетельствует один человек, написавший мне: «Со вчерашнего дня у меня на руках – приглашение на День начала года... Уже в его названии содержится немалый вызов: “Сначала не было так!” И я тут же спросил себя, какое место занимает Христос в моей жизни: не завтра, а уже сейчас – сегодня, в очередной день, данный мне как возможность признания и свидетельства».

«Друзья мои! Никогда я не использовал слово “друзья” так сознательно, как сейчас [и я с той же сознательностью повторяю: «Друзья мои»]. Мы должны идти по этому пути, все вы, собравшиеся здесь, все вы здесь, потому что были призваны к этому пути. Вы станете больше любить жен, больше любить друзей, больше любить детей, вы узнаете, что значит сострадание, узнаете, что значит прощать, узнаете, что значит жертвовать собой ради созидания, ради того, чтобы другим было лучше, вы научитесь быть человечными, вы станете человечнее. “Кто следует за Мной, будет иметь жизнь вечную”, которая есть Он, отношение

с Ним» (L. Giussani. *In cammino*. Milano: BUR, 2014. P. 226–227). Отец Джуссани ни на шаг не отходил от своей позиции! Жизнь вечная – это Христос, Он есть спасение. Лишь оставаясь в отношении с Ним на этом пути, мы сможем увидеть, как расцветут отношения, сможем созидать и быть открытыми нуждам, становиться все человечнее.

В отношении с Ним мы можем получить во сто крат больше: «Человечность, которая есть в вас, расцветет стократно, расцветет во сто крат пышнее, чем в других, и ничто не исказит ее, ничто не смутит ее вплоть до страха, вас ничто не утратит» (*Ibidem*. P. 227). И напротив, все искажается, стоит нам только отойти от Него.

Событие Христа остается в истории, становится зримым сегодня определенным образом, который Он Сам выбрал: «Наша компания есть место, где это присутствие “есть”, где оно признается, где его проще любить, где это присутствие прощает все, и в силу этого прощения мы все не можем больше сидеть со сложенными руками, в нас возникает желание делать что-то благое, творить добро, добро для нас и для других» (*Ibidem*. P. 228). Измерения христианского опыта (культура, милосердие и миссия) проистекают, таким образом, из источника – веры. Они не оторваны, как того хотел Кант, от истока, но изначально слиты с ним и являются его выражением. И поэтому мне любопытно увидеть, какую созидательность повлечет за собой возвращение к началу, если мы внемлем призыву отца Джуссани, и как ради общего блага мы ответим на нужды, с которыми столкнемся в нашей среде. Кто знает, какую новизну жизни мы с удивлением станем наблюдать (именно это случилось летом во время многих общинных каникул, как уже сказал Давиде, это же происходит и среди студентов, о чем вы можете прочитать в *Tracce*).

Какова же форма нашего «существования для»? Свидетельство. «Задача [нашей] жизни – в свидетельстве об этом Присутствии, в том, чтобы признавать его и свидетельствовать о нем» (*Ivi*) [у нас нет большего сокровища, чем это Присутствие]: не формально, не как о чем-то уже известном, лишенном жизни, а как об ответе, теснейшим образом связанном с нуждами жизни. Движение родилось, чтобы ответ этот можно было пережить на опыте, и самый очевидный знак такого опыта – тихая радость.

В завершение процитирую призыв, обращенный к нам отцом Джуссани: «Событие Христа связано с настоящим моментом и потому действительно меняет его, более действенно, нежели все социальные методы, какие только можно вообразить, поскольку никакой, даже вновь осмысленный социальный метод не может гарантировать радость или “тихую радость” [которой нам так часто недостает] как свою цель [радость не является результатом того, что делаем мы]. Высший долг верующего, главного героя истории этого нового народа, заключается в том, чтобы доказывать истинность события Христа, свидетельствовать о ней посредством тихой радости, непреходящей даже в худших обстоятельствах жизни, ибо радость – необычайное, захватывающее дух проявление произошедшей перемены, и тем самым она открывает нам новую онтологию» (L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Op. cit. P. 179).

Нет большего вызова, чем этот, и нет более захватывающего пути, особенно в настоящий момент истории. И потому нет ничего ценнее и желаннее, чем взгляд свободного человека, о котором говорит Пеги и который должен стать нашим. Нет сегодня идеи, нет обычая, способных поддержать нас на пути. Все опирается лишь на свободу. Попросим же у Господа взгляд свободных людей, желающих быть Христовыми по одной-единственной причине, по какой только и можно решить принадлежать Ему сегодня: лишь Он отвечает на ожидание нашего сердца.

Пожелаем друг другу быть верными сознанию о присутствующей Тайне, о которой отец Джуссани свидетельствовал нам вплоть до последнего дня своей жизни и к которой сегодня нас постоянно призывает папа Франциск, говорящий о необходимости вернуться к сути вещей. Не наши силы и не наши способности породят что-то действительно новое, истинное, свершённое. Лишь Господь может выступать творцом всего этого, если Ему угодно будет

использовать наше маленькое повседневное «да», чтобы и дальше порождать наш народ как знак надежды для всех.

***

Пользуясь случаем, я хотел бы подчеркнуть важность внимательного отношения наших общин к основополагающим моментам и инструментам воспитательной деятельности и жизни Движения. Сегодня выделю два из них.

Молитва. Нужно признать (как говорил и старшеклассник, чье письмо я цитировал), что позволяет нам начинать вновь, что Господь может сделать, если мы выделим время на это единственное отношение, непрестанно возрождающее нас. Христианская молитва есть память, чьим высшим выражением в самом истинном смысле слова является Евхаристия – событие, происходящее в тот самый момент, когда оно совершается. Но, чтобы в нас укрепилось такое сознание, необходимо, чтобы все привычнее становилась потребность в молчании, в том, чтобы дать себе время и вернуться к определенным вещам, приостановив таким образом распространение всеобщего менталитета. Без молчания у Христа нет возможности проникнуть в нашу жизнь. Богородица сохраняла все услышанное в Своем сердце, тогда как наше сердце часто полнится чем угодно, кроме Него. Поэтому-то в нас не прибавляется и воодушевления перед Его присутствием. Если нам не хватает времени на это отношение, на эту память, то последствия скажутся и на всем остальном. Мы начнем задыхаться. Можно заниматься всевозможными делами, но на наших лицах так и не появится радость. Потому что нет Его. Не наши дела наполняют нас радостью, а единственное в своем роде отношение со Христом, которое потом распространяется на весь наш день. Оно не является альтернативой делам. Суть в том, что это отношение постепенно проникает во все, чем мы занимаемся, а иначе даже все наши занятия не сделают жизнь полной и радостной.

Пение. Мы должны постоянно стремиться к тому, чтобы в нас возростала любовь к пению, желание петь вместе все лучше. Все мы видим, насколько нам помогает красивое совместное пение. Отец Джуссани привил нам определенный вкус к пению, к тому, чтобы делать вещи вместе, и поэтому, когда каждый начинает идти собственной дорогой, утверждая лишь самого себя, результат оказывается совершенно невыносимым. Если мы утратим такое стремление, то потеряем что-то существенно важное. Вот почему нужно дать себе время на репетиции песен в наших общинах, чтобы потом передавать другим определенный способ петь.